

УДК 316.472.47

Ю. А. ДУКАЧ

**СЕТЕВОЙ ПОДХОД И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ**

*Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»,
Киев, Украина, e-mail: iulia.dukach@gmail.com*

Рассматриваются концепции сетевого подхода и социального капитала в их историческом развитии и взаимодействии. Выделены основные принципы и исследовательские стратегии. Очерчены перспективы исследования онлайн сетей. Показан исследовательский потенциал и познавательные возможности сетевого подхода и сетевого анализа, дополняющие возможности теории рационального действия.

Ключевые слова: сетевой подход, социальный капитал, социальная сеть, онлайн сеть.

Yu. A. DUKACH

NETWORK APPROACH AND SOCIAL CAPITAL THEORY: INTERACTION AND INTERPENETRATION

National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Kyiv, Ukraine, e-mail: iulia.dukach@gmail.com

This article discusses the concepts of social capital and social network analysis in their historical development and interaction. Basic principles and research strategies have been outlined. The perspectives of the online network studying are also highlighted. Research potential and educational opportunities of the network approach and network analysis, complementing the possibilities of rational action theory have been shown.

Keywords: network analysis, social capital, social network, online network.

Введение. За последние три десятилетия в западной социологии произошло значительное увеличение интереса к сетевому подходу, специализирующемуся на изучении совокупности устойчивых связей между субъектами. Несмотря на свой сугубо структуралистский характер (а, возможно, даже благодаря ему), сетевой подход сегодня приобрел статус междисциплинарной исследовательской стратегии со своим методологическим аппаратом. Его научной популярности способствовало то, что он позволил взглянуть на прежние социальные структуры с качественно новой стороны. Сетевой подход даже получил название «новой оптики» [16], и начал быстро распространяться как в разных отраслях социологии, так и в других науках.

При описании познавательных возможностей сетевого подхода классическим стал пример исследования правления семьи Медичи во Флоренции в 1400–1434 годы, которое осуществили Дж. Паджет и К. Анселл. Они сосредоточились на построении социальных сетей, выстроенных партией Медичи, – брачных, экономических, политических и дружественных, тем самым выявив основные предпосылки захвата и удержания власти их партией. Здесь уместно провести аналогию с притчей о слепых мудрецах и слоне – ведь в случае проведения классического (для социологии и истории) атрибутивного анализа исследователи не выявили бы никаких различий между силами Медичи и противостоящей им олигархической партии. Тем самым авторы (Дж. Паджет и К. Анселл) указали на слабые стороны в исследованиях подобного рода в неомарксистской концепции [26, с. 1274].

Сегодня сетевой подход уже нашел признание и отражение в научных трудах на постсоветском пространстве. Гибкость и адаптивность для разных уровней анализа позволяют использовать его для исследования когнитивной структуры науки [15], структуры связей между депу-

татами украинского парламента шестого и седьмого созывов [10]. Была осуществлена попытка построить сеть взаимодействий между исследовательскими социологическими и маркетинговыми центрами в России [14].

Параллельно с увеличением числа публикаций происходит институционализация сетевого подхода в странах СНГ. С 2014 года в Санкт-Петербурге проводится ежегодная всемирная конференция «Сети в глобальном мире». Регулярными стали летние школы по сетевому анализу. С 2016 года в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (г. Москва) осуществляется набор в магистратуру по направлению «Прикладная статистика с методами сетевого анализа».

Отметим, что процесс распространения и популяризации сетевого подхода в постсоветском пространстве происходит с определенным отставанием. В западном социологическом сообществе этап активного становления и институционализации сетевого анализа начался в 1960–1970-е годы и был тесно связан с так называемой «Гарвардской революцией», в центре которой находилась фигура Г. Вайта и его попытки алгебраического моделирования социальных отношений.

Основная часть. Поистине революционными принято считать не столько работы Г. Вайта (хотя его вклад нельзя недооценивать), сколько то количество студентов, которые заинтересовались его подходом и начали развивать сетевой анализ в своих исследованиях. Среди них – Б. Уэлман, внесший в социологию понятие «сетевой город», «сеть сетей» и один из первых заговоривший о «глокализации», характеризуемой глобальными связями и локальной активностью [8; 29; 30]; М. Шварц, известный благодаря статьям, подвергающим критике войну в Ираке [27]; С. Милгрэм – основной разработчик концепции «тесных (малых) миров» и ставшей особенно популярной теории шести рукопожатий [25].

Среди представителей «Гарвардской революции» также можно выделить личность Марка Грановеттера, в 1973 году опубликовавшего свою известную статью «Сила слабых связей». В данной работе он продемонстрировал, что, несмотря на неиссякаемый исследовательский интерес к «сильным» связям между людьми (как, например, дружба или семейное родство), именно «слабые» связи играют основную роль при распространении информации, ресурсов или возможностей для индивидов, поскольку, выходя за рамки малых групп, «слабые» связи способствуют установлению отношений между различными группами и сообществами.

Подход Марка Грановеттера был продолжен Рональдом Стюартом Бертом. Только если М. Грановеттер концентрировал свое внимание на «слабых связях», то Берт пошел дальше и заявил о необходимости изучения «структурных дыр», представляя идею, что иногда отсутствие связей может оказаться информативнее, чем их наличие. Поведение в условиях конкуренции может рассматриваться через призму (не)доступа разных игроков к этим самым «дырам» [20]. Например, фракции или группы в парламенте, у которых высокие показатели структурных дыр, «могут вести самостоятельную политическую игру, балансируя между противоборствующими силами в парламенте, при этом выгода их структурного расположения состоит в том, что они практически неподконтрольны этим силам» [4, с. 162].

Уже в более зрелом возрасте Грановеттер использует основы экономической антропологии К. Поланьи и активно развивает идею укорененности («embeddedness») экономики в социальной структуре, противопоставляя ей понятие атомизированности и пытаясь заполнить разрыв между недо- и сверхсоциализированными воззрениями, изложенными в современных социологических и экономических (в особенности классической и неоклассической) теориях. Оставаясь под влиянием сетевого подхода, М. Грановеттер отмечает, что «в концепции укорененности подчеркивается роль конкретных межличностных отношений и их структур (или «сетей») при производстве доверия и сдерживании мошенничества» [7, с. 52].

Спустя несколько лет Дж. Коулман выступает с критикой позиции Грановеттера, называя его «неопытным функционалистом». Как замечает Дж. Коулман, идея М. Грановеттера «может быть рассмотрена как попытка представить в анализе экономических систем социальных организаций и отношений не просто структуру, которая возникает для осуществления экономических функций, а структуру со своим прошлым, настоящим и будущим» [11, с. 123].

Сам же Дж. Коулман вводит в постоянный терминологический словарь экономической (и не только) социологии концепцию социального капитала – инструмента, который позволяет «использование экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация» [11, с. 123]. Концепт социального капитала нельзя назвать новым – впервые он появляется в работах Л. Ханифан (еще в 1916 году), также он используется Дж. Джекобс в ее книге «Смерть и жизнь больших городов Америки», принесшей автору популярность. Но значимой концептуальной проработкой категории «социальный капитал» по праву считается статья Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Для раннего Дж. Коулмана социальный капитал – это «любое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для одного или более акторов (действующих лиц)» [12, с. 41]; он приводит примеры, что социальным капиталом могут быть как широкая сеть друзей и знакомых, так и устойчивые социальные нормы некоторого сообщества. Позднее, в статье 2000 года, Дж. Коулман развивает идеи, что социальный капитал определяется своими функциями, продуктивен по своей природе и его происхождение связано с изменениями в отношениях между индивидами [11].

Стоит отметить, что в сетевом подходе можно выделить два подхода, которые обусловили стратегию теоретизирования и исследования. Первый – это позиция структурной эквивалентности, которая актуализируется при условии, что мы смотрим на сеть как на совокупность акторов и связей между ними. Второй подход в сетевых исследованиях – позиция, представленная в концепции сплоченности, где сеть представляется совокупностью отношений и производных от них практик.

Первый подход активно перекликается с теорией Коулмана, утверждающего, что социальный капитал является свойством структуры связей между акторами. Таким образом, можно отметить, что в рамках данного аспекта сеть и является по своей сути разновидностью социального капитала. Более того, Коулман не отрицает возможность организации выступать в роли актора и, соответственно, обладать социальным капиталом, здесь в значительной мере его идеи перекликаются с постулатами сетевого анализа, где тип актора и качество связей зависят скорее от исследовательской логики и фантазии, тем самым способствуя «сетевизации» как микро-, так и макросоциологических исследований.

Ф. Фукуяма дает свое определение социального капитала – представляя его как «свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющий им взаимодействовать друг с другом» [17, с. 129]. У Ф. Фукуямы другое, нежели у Дж. Коулмана, понимание социального капитала, и он придерживается второго подхода в сетевых исследованиях – позиции концепции сплоченности, где сеть представляется совокупностью отношений и производных от них практик. Любопытный подход к изучению социального капитала, на который обращает внимание Ф. Фукуяма, предлагает попытку обнаружения его отсутствия. В данном случае нет никакой аналогии со «структурными дырами» Р. Берта, скорее это ход «от противного» – принятие предположения, что если социальный капитал отражает присутствие некоторых социальных норм, то общественные аномалии (как, например, уровень преступности) свидетельствуют о его отсутствии или, точнее, дефиците [17]. Подобное представляется не вполне продуктивным, поскольку даже в рамках обозначенного уровня преступности социальный капитал может играть важную роль в поддержании определенных, пускай и девиантных, по мнению общества, норм. К тому же, как отмечает сам Фукуяма, подобно «обычному» (экономическому), социальный капитал также имеет свойство в обществе распределяться неравномерно, что достаточно сложно учесть и осмысленно использовать при таком исследовательском подходе.

Особенно «озадачивающей» видится точка зрения Ф. Фукуямы, где он считает, что «ни социологов, ни экономистов внедрение термина «социальный капитал» отнюдь не радует. Социологи видят в нем еще одно свидетельство покорения общественных наук экономикой, а экономистам он представляется довольно туманной сущностью, с трудом поддающейся (или вовсе не поддающейся) измерению» [17, с. 132]. Подобного рода отношение не распространено в со-

временной социологии, так как понятие социального капитала, кроме активного использования в рамках сетевого подхода, находит свое отражение и в других теориях, среди которых – социальная «топология» П. Бурдьё.

Понятие «социального поля» (которое предстает как сеть или как конфигурация объективных отношений между позициями [3, с. 54]), введенное П. Бурдьё, представляется одним из наиболее характерных примеров при рассмотрении сети с позиций концепции сплоченности. Бурдьё вводит понятие социального капитала наравне с тремя другими капиталами – экономическим, культурным и символическим. Согласно его точке зрения, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [2, с. 66].

В целом позиция П. Бурдьё действительно близка к сетевому подходу, так как объем социального капитала одного агента зависит от «размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» [2, с. 66]. Говоря об объеме социального капитала, Бурдьё, в отличие от ранее приведенного мнения Ф. Фукуямы, предполагает возможность его операционализации, результатом чего становится предположение, что даже манеры могут рассматриваться как одна из форм социального капитала (отталкиваясь от способа их приобретения). П. Бурдьё также вступает в дискуссию с Коулманом, как на терминологическом уровне – разделяя социальный капитал (находящийся в обладании индивида) и коллективный капитал (свойственный группам), так и на теоретическом уровне – подвергая критике близкую Дж. Коулману теорию рационального действия – считая, что ее представители приняли «вещи логики за логику вещей» [3, с. 86] и сознание агента подменили сознанием ученого.

Бурдьё также подвергает критическому осмыслению и сам сетевой подход. В своей беседе с Л. Ваканом, записанной в книге «Рефлексивная социология», П. Бурдьё сетует, что его приверженцы пожертвовали исследованием структуры распределения типов капитала, а следом и структуры индивидуальных и коллективных установок, ради анализа конкретных связей (между агентами или институциями) и потоков (информации, ресурсов, услуг и др.), в которых проявляются базовые структуры [3, с.70].

В последнее десятилетие взаимодействие и взаимопроникновение сетевого подхода и теории социального капитала выразились в том, что основное внимание и усилия исследователей обратились в технологически новую сферу, демонстрирующую связи с помощью опосредованных взаимодействий. Речь идет о распространении сети интернет и вовлечении значительного числа людей в онлайн-сети, о том, что сетевизация межличностных и межорганизационных отношений стала еще интенсивнее. Вместе с этим сначала в маркетинг, а следом и в социологию проникают попытки (часто успешные) анализа так называемых «больших данных» (Big Data). Одна из такого рода исследовательских стратегий сосредоточена на отслеживании «цифровых следов» – то есть «количественной информации о посетителях веб-сайтов, их интернет-активности, а также потенциальных данных об индивидуальных предпочтениях, убеждениях пользователей» [9]. Так, например, значительная часть исследований связана с обработкой статистики сетевых запросов. Самый известный пример – проект Google Flu Trends, созданный для прогнозирования и предупреждения эпидемий гриппа и базирующийся на отслеживании динамики поисковых запросов с определенными словами-индикаторами [13].

Если первая стратегия сосредоточена на субъекте (пользователе), то вторая стратегия обращает внимание скорее на процесс коммуникации, взаимодействия двух и более субъектов. При этом в роли субъектов могут выступать как отдельные индивиды, группы, так и организации. Конечно, особый интерес для второй исследовательской стратегии представляют социальные или онлайн сети – платформы, созданные для активной социальной коммуникации в сети Интернет. Среди них – Вконтакте, Facebook, Twitter и др. (отмечу, что в большинстве статей авторы более склонны пользоваться именно словосочетанием «онлайн сети», так как оно позволяет уйти от созвучия с классической социологической терминологией, никак не связанной с опосредованным

взаимодействием в сети интернет). Одной из самых значительных работ в этой сфере стало коллективное исследование влияния распространения онлайн сети ВКонтакте на коллективные действия и протестное участие в России [21].

Представленные две стратегии можно также разделить на изучающую эго-сети (понятие, особенно разрабатываемое Б. Уэлманом) и анализирующую «полные сети». Подобное разделение подтверждает мнение Даны Бойд (исследовательницы сетей и больших данных, сознательно пишущей свое имя и фамилию с маленьких букв, читай «даны бойд») и Кэйт Кроуфорд о том, что большие данные в своей основе являются сетевыми («fundamentally networked») [19].

С помощью изучения онлайн сообществ и коммуникаций можно построить два типа сетей – артикулируемые и поведенческие. Артикулируемая сеть является следствием демонстрации субъектом своих связей – через список контактов, подписок или подписчиков. Поведенческая сеть включает в себя связи, построенные на основании конкретных действий – факта подписки, комментария, «репоста» и др. [19]. Оба типа сетей значимы для исследователя, но по сути своей ни один из них (и даже если рассматривать их «в сумме») не является отображением структуры социального капитала. При обращении к ним следует всегда задаваться вопросом: насколько связи, построенные онлайн, можно переносить в реальность? И если предполагать, что количество друзей в онлайн сети гипотетически может свидетельствовать об определенном объеме социального капитала и о высоких шансах получить через эго-сеть доступ к определенному ресурсу или к информации, все же такой ход мысли пока в значительной степени упирается в строгие контекстуальные и методологические ограничения. Поэтому использование подобных стратегий все еще находится в процессе становления и апробации.

Выводы. Как уже отмечалось, само понятие сети можно напрямую ассоциировать с социальным капиталом. При этом методологический потенциал концепции социального капитала, позволяющий его использовать в сетевом анализе, как удачно отметила Г. Градосельская, происходит из двух источников: «Во-первых, это позитивные следствия «общительности» индивидов (тогда как его замкнутость может привести к негативным результатам). Во-вторых, особое значение приобретают источники нематериального влияния и власти. Таким образом сокращается дистанция между социологической и экономической позициями в решении политических и рыночных проблем» [6].

Дж. Коулман, как было показано, разрабатывая концепцию социального капитала, встраивал его в теорию рационального действия, что в дальнейшем и стало объектом критики как Ф. Фукуямы, так и П. Бурдьё. При этом известно, что социальный капитал лежит практически в основе сетевого подхода – сама идея вычисления меры центральности акторов, их престижа, можно сказать, базируется на принятии исключительной роли социального капитала в общественных структурах. И здесь уже возникает ситуация, когда именно «сквозь сети может быть объяснено поведение, которое на первый взгляд кажется неразумным или, как говорят экономисты, чисто альтруистическим» [1]. Сетевой анализ позволяет частично обойти основную слабость теории рационального действия, что в свою очередь предоставляет возможность найти ответ на причину и характер действий, выходящих за рамки «рациональных» (по крайней мере рациональных в глазах исследователя). И тогда даже в случае «глубоко экономического» предмета, такого, как механизм ценообразования, сетевой подход может открыть совершенно новую исследовательскую плоскость [31]. При этом сетевой подход, с одной стороны, не ищет ответов в логике институтов, обычаев или всеохватывающего влияния культуры, с другой стороны, является универсальным, поскольку практически в любом экономическом (и не только) действии можно обнаружить логику сети. Именно отсюда и следует высокая адаптационная способность сетевого подхода и его актуализация параллельно с погружением в исследования онлайн сетей.

Список использованной литературы

1. Безрукова, О. Н. Сеть как условие экономического действия / О. Н. Безрукова // Экон. социология. – 2004. – № 3. – С. 78–93.
2. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экон. социология. – 2005. – № 3. – С. 60–74.

3. Бурдьє, П. Рефлексивна соціологія. Частина II: Чиказький воркшоп / П'єр Бурдьє, Лоїк Вакан. – Київ: Медуза, 2015. – 224 с.
4. Горбачик, А. Сетевой подход к изучению структуры украинского парламента / А. Горбачик, Е. Жулькевская // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 3. – С. 161–181.
5. Градосельская, Г. В. Роль неформальных взаимодействий в организации бизнес-структур: сетевой подход [Электронный ресурс] / Г. В. Градосельская. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/gradoselskaya-gv-rol-neformalnyh-vzaimodejstvij-v-organizatsii>.
6. Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии / Г. В. Градосельская. – М.: Новый учебник, 2004. – 248 с.
7. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 131–158.
8. Дукач, Ю. О. Мережевий підхід в науковому доробку Баррі Веллмана: експлікація та оцінка / Ю. О. Дукач // Вісн. Нац. техн. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. – 2015. – № 3/4 (23/24). – С. 14–20.
9. Корытнікова, Н. В. Online Big Data как источник аналитической информации в online-исследованиях / Н. В. Корытнікова // Социол. исслед. – 2015. – № 8. – С. 14–24.
10. Костюченко, Т. С. Структура зв'язків між депутатами Верховної Ради України 6-го та 7-го скликань: порівняння мереж формування політики / Т. С. Костюченко, К. М. Нагорняк // Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки. – 2013. – Т. 148. – С. 38–44.
11. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
12. Коулман, Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора / Дж. Коулман // Экон. социология. – 2004. – Т. 5, № 3. – С. 35–44.
13. Купрєєва, Ю. О. Дослідження протестної активності населення на основі інформації в мережі Інтернет: проблеми та перспективи вдосконалення / Ю. О. Купрєєва // Вісн. Нац. техн. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. – 2013. – № 4. – С. 57–61.
14. Мальцева, Д. В. Профессиональное социологическое сообщество с позиции сетевого подхода / Д. В. Мальцева // Вестн. РГГУ. Серия «Социология». – 2014. – № 4. – С.36–41.
15. Сафонова, М. А., Винер, Б. Е. Сетевой анализ социализированных этнологических публикаций в российских периодических изданиях: предварительные результаты / М. А. Сафонова, Б. Е. Винер // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2013. – № 36. – С. 140–176.
16. Супруненко, О. Соціально-мережевий аналіз: методи й застосування (нотатки з Міжнародної літньої школи у Санкт-Петербурзі) / О. Супруненко // Вісн. Київського нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. Соціологія. – 2013. – № 4. – С. 91.
17. Фукуяма, Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. – С. 129–148.
18. Хоган, Б. Анализ социальных сетей в интернете [Электронный ресурс] / Б. Хоган // Постнаука. – 2008. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/longreads/20259>.
19. Boyd d. Six Provocations for Big Data [Electronic resource] / d. boyd, K. Crawford. – 2011. – Mode of access: http://softwarestudies.com/cultural_analytics/Six_Provocations_for_Big_Data.pdf.
20. Burt, R. S. Structural Holes: The Social Structure of Competition / R. S. Burt. – Cambridge, 1992. – 324 p.
21. Enikolopov, R. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia [Electronic resource] / R. Enikolopov, A. Makarin, M. Petrova. – 2016. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2696236.
22. Granovetter, M. Network Sampling: Some First Steps / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1976. – № 6. – P. 1287–1303.
23. Granovetter, M. The Strength of Weak Ties / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1973. – № 6. – P. 1360–1380.
24. Granovetter, M. Threshold Models of Collective Behavior / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1978. – № 6. – P. 1420–1443.
25. Milgram, S. An Experimental Study of the Small World Problem / S. Milgram, J. Travers // Sociometry. – 1969. – № 4. – P. 425–443.
26. Padgett, J. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434 / J. Padgett, C. Ansell // American Journal of Sociology. – 1993. – Vol. 98, № 6. – P. 1259–1319.
27. Schwartz, M. Why the United States is losing the war in Iraq / M. Schwartz // Contexts. – 2005. – № 1. – P. 12–20.
28. Snijders, T. A. B. Statistical Models for Social Networks [Electronic resource] / T. A. B. Snijders // Annual Review of Sociology. – 2011. – Mode of access: <http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.012809.102709>.
29. Wellman, B. Network Analysis: Some Basic Principles / B. Wellman // Sociological Theory. – 1983. – № 1. – P. 155–200.
30. Wellman, B. Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities / B. Wellman, 1999. – 377 p.
31. White, H. Where Do Markets Come from? / H. White // American Journal of Sociology. – 1981. – Vol. 87. – P. 517–547.

Поступила в редакцію 21.06.2016